

 НФБ: МИРЫ ЕВГЕНИЯ ЩЕПЕТНОВА

Евгений ЩЕПЕТНОВ

БАНДИТ-5
ПРИНЦ

МОСКВА
2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Щ56

Иллюстрация на переплете
Ларисы Клепаковой

Щепетнов, Евгений Владимирович.

Щ56 Бандит. Принц / Евгений Щепетнов. — Москва :
Эксмо, 2023. — 320 с. — (Новый фантастический
боевик).

ISBN 978-5-04-172228-9

Принц?! Принц! Прошу любить и жаловать! Не нравится?
Да мне плевать! Становитесь в очередь те, кому не нравлюсь!
Вас слишком много, где хоронить буду?

Магия, интриги, любовь, деньги — все это есть. И то ли
еще будет! Принц-некромант — адская смесь, не правда ли?
Пятая книга нового захватывающего цикла.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© **Щепетнов Е. В., текст, 2023**
© **Оформление. ООО «Издательство**
«Эксмо», 2023

ISBN 978-5-04-172228-9

Глава 1

Я всегда сплю на ходу. Нет, не тогда, когда хожу, хотя и тут есть исключения. Например, если идти далеко, дорога ровная — почему бы и не подремать? Как и все солдаты — умею спать в запас, есть в запас, отдыхать в запас. Ведь может настать то время, когда поспать и не придется.

«На ходу» в данном случае — это лежа на мягкой полке бронированной кареты, положив голову на упругое бедро подружки. Не знаю, может, ей и неудобно, тяжело, но зато мне хорошо! Эгоизм? Ага, самой высшей пробы! Терпи, дорогуша, раз взялась за взрослые отношения, схватила их своими маленькими, но сильными ручками...

Лежу, никого не трогаю, примусы не починаю, сквозь дрему слушаю рассказы всех трех моих подруг. Они рассказывают что-то из своей бурной жизни — о подружках, о смешных случаях, произошедших с ними, а я просто лежу и дремлю. Ну а чего еще делать-то? Ехать полдня, не меньше. И не в том дело, что карета бронированная — хотя и это влияет на скорость движения. Главное — это то, что тащимся мы посреди конвоя, состоящего из полтысячи наемников, а они едут шагом, сопровождаемые фургонами, в которых находится все их имущество — начиная с запаса стрел и продуктов и заканчивая маркитантками, которых здесь называют совсем не

маркитантками. Другое слово, но суть та же. Или почти та же.

Я, кстати, даже и не знал, что наемники таскают с собой этих баб, младшей из которых лет двенадцать, старшей... хрен знает, сколько старшей — пятьдесят? Шестьдесят? Все эти особи женского пола фактически занимаются обслуживанием бравого войска — готовят пищу, чинят одежду, удовлетворяют сексуально, продают нужные вещи и скупают трофеи (или награбленное, кто как скажет). Нормальная такая работа и, как выяснилось, семейное дело.

Откуда знаю? А разговорился с капитаном наемников, мужиком лет сорока, жилистым и узловатым, как старый дуб. Он сам ко мне подошел и пожал руку, сказал, что разбирается в вечном бое, и то, что я сделал, это было красиво. Ну мы и поговорили, глядя на то, как снимается с места весь лагерь наемников. Немного просветился в реалиях жизни здешних ландскнехтов — можно и так их назвать, хотя дурацкую разноцветную одежду они не носят и презирают щеголей.

После моей дуэли с Ласселем и его отцом Кордан тут же мне сообщил, что я могу требовать компенсацию от оставшегося в живых дуэлянта, которого очень даже разумно вылечил от ран. Ведь и он сам, и его сынок грубо нарушили дуэльный кодекс, даже не просто воспользовавшись магией для достижения преимущества в бою, а вообще — применив против дворянина боевую магию! И это дело случая, что они не смогли меня одолеть! Так что кругленькая сумма за моральный ущерб будет мне обеспечена. Ну а нарушитель может вообще пойти под суд чести за такое отвратительное преступление.

Я переговорил с Лже-Харгелем, который теперь на самом деле был Мастером, и тот во всеуслышание объявил, что как только вернется в поместье, тут же

составит векселя на те суммы, которые он мне задолжал по условиям дуэли. А еще — так как он сам и его сын постыдно нарушили эти самые условия — Харгель должен мне выплатить сто тысяч золотых морального ущерба — по пятьдесят за каждого из нарушителей. Итого я должен получить... пятьдесят тысяч плюсом к этим ста тысячам. Кордан с искренним уважением сказал, что такого успешного бизнесмена, как я, белый свет не видывал. И что если я пожелаю войти с ним в дело, место мне приготовлено. И, кстати, в его последующих словах явственно послышался намек на то, что и он сам, и его супруга были бы не против иметь меня в качестве зятя. Ну да, выглядело это так: «Да, Петр, иметь такого зятя в своей семье — этого хотела бы каждая семья!»

Да, звучит двусмысленно — так же, как это прозвучало бы и на Земле. Ну ладно там его жена меня мечтает поиметь — я видел, как она на меня смотрит («Желаю продолжения банкета!»). Но вот ему со мной точно ничего не обломится. Идут они на хрен со своими аристократическими извращениями!

В общем, я с облегчением покинул этот гостеприимный и любвеобильный дом, двинувшись в дорогу вместе с отрядом наемников. Им все равно заплатили за работу — какое дело бойцам до того, что драка не состоялась? У них посуточная оплата, плюс премии за участие в боевых действиях, плюс за ранения, плюс трофеи.

Итак, возвращался в город я не просто обеспеченным, а очень богатым человеком. Очень. Я ради интереса посчитал, что будут стоить эти самые золотые в пересчете на бумажки с портретами мертвых президентов. И вышло вот что: сто пятьдесят тысяч золотых — это семьсот пятьдесят килограммов золота. Если взять стоимость килограмма золота в долларах, округ-

лив для удобства (эта цена держится уже много лет, я ее знаю), то получается шестьдесят тысяч долларов США за килограмм, и тогда я «заработал»... сорок пять миллионов долларов. Вот так. Прогулялся на природу...

Не скажу чтобы это была такая уж большая сумма для олигархов вроде Кордана или того же Харгеля — у них в загашнике, насколько я понял, миллионы золотых. Десятки миллионов! Часть из них, конечно же, в активах — рудники, мастерские, заводы и корабли, но часть и в живых деньгах, которые хранит Имперский банк. То есть это самые настоящие миллиардеры вроде Билла Гейтса и иже с ним.

Но в сравнении с простыми людьми я феноменально богат. Крестьяне за всю свою жизнь не видят ни одного золотого, а тут... сумма просто невероятная.

Впрочем, эту сумму еще нужно получить. На руках-то у меня ее нет. Вот поймут, что Харгель на самом деле не Харгель, заблокируют его счет, его бизнес — и что тогда? Не буду я миллионером. Но лучше об этом не думать. Если на самом деле поймут, что с Харгелем дело нечисто — тут и мне конец придет.

Кстати, Кордан с огромным интересом расспрашивал, как это я сумел поставить силовую защиту против фэйрболов и каким образом сумел уничтожить сынка Харгеля. Если я вообще-то лекарь и артефактор, а никакой не боевой маг. Что я мог ему ответить? Что я некромант и что знания о том, как надо кидаться фэйрболами, мне передал призрак Мастера? Ничего не сказал. Пожал плечами и сообщил, что ранее я о таких своих способностях и не подозревал. И как они проявились — не представляю. Ну и все. Отстал. Только поглядывал на меня как-то странно, будто пытался вспомнить что-то такое.

Вообще, самое главное, что я узнал за последний месяц, это даже не то, как именно можно подселать

призраков в чужие тела. Бабуля моя открыла мне глаза. Оказалось, что на самом деле нет никаких некромантов. Вообще — нет. Как класса. Есть просто маги. Сильные, слабые, со способностями в ту или иную сторону. Некроманты — маги-универсалы, самые сильные среди магов, те, кому доступны практически любые виды магии. А то, что кто-то назвал их некромантами за умение видеть призраков, общаться с призраками, за умение привязать тех к себе — это просто зависть. Зависть людей, не способных и не умеющих.

Вот так и выродились маги — выбили самых сильных, оставили увечных «недомагов», и что в конце концов получили? Такими темпами лет через сто магии в мире не останется практически совсем. Ибо некому будет ей манипулировать.

Итак — еду, покачиваюсь на кочках, ощущаю щекой упругое бедро подружки, и мне хорошо. Ну а с чего мне должно быть плохо? По-моему, лучше и быть не может...

* * *

— Наконец-то приехал! — Ректор внимательно посмотрел мне в лицо, недоверчиво помотал головой. — Тут такие истории про тебя рассказывают! Хельга аж визжит, когда о тебе говорит, и слюни текут. Ненормальная, точно! Кстати, моя супруга заинтересовалась тобой, хочет пригласить на обед. Ты не против? Хочет послушать, как ты играешь на лютне.

— Я не против — сказал, а сам все усилия приложил, чтобы не сморщить нос. Ну вот на фига мне какая-то там старуха, которая желает меня посмотреть? Я ей что, жираф или носорог зоопарковский? Но и отказать ректору как-то... неудобно. Во-первых, он ректор моей альма-матер.

Во-вторых, его дочка в меня влюблена и считается моей официальной подружкой — одной из трех, если быть точным. И в-третьих... ну почему бы и нет? Сижу в четырех стенах, так почему бы не развеяться и не сходить в гости?

— Хорошо, — с явственным облегчением вздохнул ректор. — Вот закончим с твоими дуэлями, и я тебе сообщу, когда мы тебя ждем. Вернее, Хельга сообщит. А теперь к делам. Знаешь, сколько заявок на дуэли у меня лежит?

— Триста тринадцать?

— Старые сведения, — усмехнулся ректор. — Триста сорок три. И не удивлюсь, если их за эти сутки еще прибавится. Добавляются девушки.

— Девушки?! — Я едва удержался, чтобы не присвистнуть. — Девушки-то с какой стати?!

— Есть такая информация, что они хотят увидеть тебя голым, стоящим на городской площади, — усмехнулся ректор. — Всегда говорил, что в Академии тактики каждый второй или каждая вторая — извращенцы.

— Когда первые поединки?

— Завтра. У нас на площадке, при наблюдателях со стороны Академии тактики и двух стряпчих. Ты готов к поединкам? Ах да... Чего это я спрашиваю? Ты там усиленно готовился, да. Кстати, а не думал о том, что отец убитого тобой парня будет мстить?

— Пока не думал, — вру и не краснею. — Как-нибудь потом подумаю. Могу идти? Или еще что-то? Мне с дороги надо помыться и переодеться.

* * *

Вот я и дома. Глупо, конечно, какой это к чертовой матери дом?! Так... двухкомнатный номер, в котором мне принадлежат только кое-какие вещички. Кстати, а вещичек-то набралось очень даже прилич-

но. Пришел сюда с котомкой и сменой белья, а теперь... даже драгоценности имеются. Неплохо я тут «упаковался»...

В номере чисто, все вылизано — ни одной пылинки. А служанки не видать. Интересно, как она так умудряется — все сделать, но меня не встретить? И главное — зачем так делает? Боится, что затащу в постель? Хмм... ну... может, и затащу. Так не насильно же! Сама хочет! Наверное, нашла кого-нибудь, типа жениха. Кто там за ней увивался? Сын булочника? Печально.

Хотя — а почему печально? Девчонке надо замуж выходить, детей рожать. Что я ей? Случайный любовник, лекарь — больше ничего. Но все равно обидно. Хоть бы сказала — мол, я нашла себе парня, прости, больше никакого секса с тобой. Что, разве бы я не понял?

Понял бы, конечно. Но все равно попытался бы затащить в постель. А она бы не удержалась, точно позволила затащить. И прекрасно об этом знает.

В общем, все сложно. Или это я так усложняю? Привычка копать у себя в душе. Впрочем — не только у себя.

Стук в дверь. Ну черт подери, вы хотя бы помыться дайте! Ну кто там еще? Сонька, что ли?

— Это Хельга, — сообщает мне призрак, который, как всегда, стоит на страже у моих дверей.

Иду открывать — эта вряд ли просто так сюда пришла. Может, папаша прислал? Влетает, едва не сбив меня с ног. Ну вот же шевбутная девка! Ничего не может просто так, без воплей и махания руками!

— Сидишь и ничего не знаешь?! — начинает она с места в карьер. — Весь город на ушах стоит! Все ждут, чем закончатся твои дуэли! Даже бургомистр в курсе! Да что бургомистр — все, все в курсе! Просили, чтобы их допустили на зрелище!

— Какое зрелище? — Делаю я недоуменно-глуповатое лицо, одновременно отыскивая в шкафу большое мохнатое полотенце.

— Ну как — какое?! — ужасается Хельга и тут же звонко хлопает меня по голой спине. — Бесстыдник! Придуриваешься! И кстати, неприлично принцу встречать девушку голым!

Черт! И правда, задумался — и открыл Хельге голышом. Я уже в душ собирался, в дверях поймала. Хотел ей объяснить, что это случайность, ничего, так сказать, личного, но Хельга махнула рукой:

— Перестань! Шучу! Я тебя во всех видах видала! Ты лучше послушай, что происходит! Ставки на тебя делают! И против тебя! И вообще — они подготовили тебе ловушку!

— Вот как? — не удивляюсь я. Привык, что мне кто-то обязательно строит козни. Ловушкой больше, ловушкой меньше...

— Вот так! — парирует Хельга. — Одна девчонка у них есть, так вот, эта девка бьет всех парней как детей. Говорят, у нее талант такой. Ты ее видел на балу — высокая такая, с тебя ростом. Силища — невероятная! Юранда Оссан ее имя. И не только силищей она слава — скорость такая, что за движениями уследить нельзя. Поговаривают, что родители этой Юранды в детстве поили девчонку специальными лекарствами, вот она и стала такой... ненормальной!

— Красивая? — осведомляюсь я, становясь под лейку душа и открывая воду.

— Да какая разница, красивая или нет? — возмущается Хельга. — Она же тебя узлом завяжет!

— А где она была, когда мы дрались на балу? — спрашиваю, подставляя лицо теплым струйкам.

— Пфф! Не было ее! Потому все и говорят, что если бы она была — нам конец! — фыркает Хельга, заходя в ванную комнату.

— Ты можешь мне составить список из пяти самых сильных бойцов? — прошу Хельгу и тянусь за мочалкой. Девушка хватает мочалку, но не подает мне, а сует под струю воды и начинает намывать.

— Составлю, конечно! — Мочалка касается моей спины, и я застываю, наслаждаясь ощущениями. Вот если я когда-нибудь и женюсь, то лишь ради того, чтобы жена терла мне спину (и остальные части тела!) мочалкой, а еще — чтобы чесала под лопаткой и между лопатками. Что там секс?! Что вкусная еда?! Даже горячий борщ с плавающим в нем маленьким белоснежным островком сметаны отступает перед этим наслаждением!

О, эти мурашки, бегающие по телу! О, эта рука с мочалкой, касание которой заставляет тебя стонать от наслаждения!

Интересно, как они это делают? Ну... женщины. Как можно исхитриться сбросить с себя одежду одной рукой да еще и продолжая тереть мои бока мочалкой?!

Нет, я не железный. Нельзя меня так испытывать, притом что теперь я собираюсь следовать заветам «старших». Как там Сонькина мама сказала? Живи сейчас? Безумствуй, развлекайся, веселись? Ну вот я и повеселился... на полную катушку. Ага, на полную.

* * *

— Ну что, стоило того? — спрашиваю, успокоив дыхание.

— Ты то же самое Соню спрашивал, — хихикает Хельга. — Кстати, кто из нас лучше?

Молчу. Скользящая тема. Теперь я спрашиваю:

— Не передеретесь? Ну.. с Соней?

— Зачем? — удивляется Хельга. — Наоборот! Крепче дружить будем! У нас теперь есть кое-что такое, что нас объединяет! Мы теперь как сестры!

Лежу, думаю о странностях поведения этих девиц. Может, таков местный менталитет? Что-то на Земле я не замечал у девушек, женщин готовности делиться своими мужчинами. Хотя... что я знаю о женщинах? Кто мне стал бы докладывать о том, что они думают и делают?

Вот я — это другое дело. Собственник. Никому не отдам ту, которую считаю своей женщиной. И, по-моему, это нормально. Хотя и не осуждаю тех, кто поступает иначе. Кто я такой, чтобы осуждать? Нравится людям делиться своей женщиной с другими мужчинами — да флаг ему в руки. Главное, чтобы мне не мешал жить и чтобы его женщина не была против. А то, что они делают в своей ячейке общества, как развлекаются — это их личное дело. «Толерантность» — слово нехорошее, имеет некий голубой оттенок, но тут совсем другое дело. Терпимость к причудам окружающих тебя людей — это путь к миру.

Да, странные мысли для вояки, который почти всю свою сознательную жизнь занимался тем, что лишал жизни людей, но вот такие у меня принципы.

Мы провели в постели еще час. Занимались сексом, болтали о том о сем. Я знал, что Хельга остра на язык и что за словом в карман не лезет, но... неожиданно выяснил, что она еще и довольно-таки неплохо образованна. Много знает о мире, о том, что происходит вокруг империи и внутри страны. Странно, конечно же, слушать пространные рассуждения о политике, лежа рядом с обнаженной девушкой и положив руку на ее бедро, но... почему бы и нет?

Умные люди в любом месте найдут интересную тему для обсуждения. Даже между «подходами» в любовных упражнениях.

Вообще-то все три мои девчонки на удивление умненькие, даже слишком. Рассуждают как взрослые, а ведь им 16–20 лет! У них ветер в голове должен гулять! А тут...

Хотя чего это я туплю — у них тут совершеннолетие наступает в пятнадцать лет, а замуж выходят и раньше. У многих в пятнадцать уже есть ребенок, а то и два. И этим, между прочим, здешний мир ничем не отличается от земного Средневековья.

Выяснив, что я собираюсь пойти в трактир «Якорь», чтобы разобраться с кое-какими непонятками, Хельга быстренько выскользнула из постели и объявила, что в трактир мы идем все вместе. Она точно пойдет, а пойдут ли подруги — не знает. Но узнает. И чтобы я не смел уходить один — меня отловят и подвергнут наказанию.

Какому именно наказанию — спросить не успел. Наскоро натянув на себя одежду, Хельга унеслась из моего номера так, будто за ней гналось целое воинство демонов. Ну а я снова пошел в душ — после наших с Хельгой игрищ требовалось смыть с себя «следы преступления», отчетливо доказывающие тот факт, что по всем формальным признакам Хельга до сегодняшнего дня являлась девственницей. До нашей с ней сегодняшней встречи.

Я собрался за двадцать минут (Хельге сказал, что буду готов через сорок) и только лишь собрался тихо ускользнуть, как в дверь заколотили, и через несколько секунд ко мне в номер вломились все три мадамы, почему-то решившие, что они имеют право «застолбить» мой организм в свою, так сказать,

собственность. В принципе, это меня не особенно и напрягало, но время от времени ставить на место зарвавшихся девиц мне все-таки придется. Чую, все к этому идет. Не люблю я, когда на меня нажимают. Вот сегодня, к примеру, они мне в трактире на фиг не нужны. Я бы сходил туда, кое-что выяснил и вернулся обратно. А теперь что?

Слава богу, хоть оделись не вызывающе, довольно-таки скромно — понимают, куда идут. Кстати, после того нашего похода с Сонькой девки просто обзавидовались. И пофиг, что Соньку тогда кто-то отравил наркотой. Готовы все стерпеть, лишь бы...

М-да. Не понимаю такой настойчивости. Ну да, «некромантская» притягательность, но не до такой же степени! Неужто и правда влюблены? Никогда я не пойму женщин.

Пока шли по коридорам, с нами все здоровались, особенно со мной. «Привет, Пет!», «Петр, привет!», «Син, давай, покажи им!».

Нет, насчет «показать» — имелись в виду не мои три подружки, гордо вышагивающие рядом со мной и натянувшие на физиономии маски спесивой надменности. И не некая часть моего организма. Это было сказано по поводу завтрашних дуэлей.

Кстати сказать, по дороге заскочил к ректору и назвал ему пять имен — вот с ними завтра и буду выяснять отношения. Думаю, что больше драться и не понадобится. Соберу бабло да и... хватит дуэлей. Что за глупая традиция, этот мордобой из-за пустяков? Честь, понимаете ли! Честь — это когда ты выполняешь свой долг во что бы то ни стало. Когда ты держишь свое слово, когда ты не даешь в обиду слабым. Вот это честь! А драться из-за того, что тебе случайно наступили на ногу или потому, что задели неосторожным словом... глупо, уверен в этом.

* * *

— Привет, Пет! — Аллен широко улыбается, хлопает меня по плечу, потом замечает девушек, что пришли со мной, и у него отвисает челюсть. — О Создатель! Да где ты берешь таких красоток! Это же... нельзя так!

Потом смотрит мне в лицо, и радостное выражение сменяется озабоченным.

— Что? Что случилось? Ты чего такой хмурый?

Я гляжу в глаза Аллена и не нахожу в них лжи. Неужели он умеет ТАК маскироваться? Неужели я неправ?

— Аллен, это ты? — говорю спокойно, наблюдая за поведением друга. Или бывшего друга?

— Да что — я?! — Приятель раздражен, и я вижу — искренне недоумевает.

Садимся за столик, благо что мест еще много, и я рассказываю Аллену о том, что случилось с Соной. Аллен вначале таращит глаза, слушает меня с открытым ртом, а по ходу повествования лицо его все больше мрачнеет, и когда я заканчиваю свой рассказ, спрашивает у меня, кривя губы в злой гримасе:

— Пет, почему ты считаешь меня такой тварью? Как вообще ты мог подумать, что я могу сделать такое?! Я что, дал повод это думать?

Сижу, молчу. Мне не по себе. И правда, почему это я вдруг подумал про Аллена? Извиняюсь. Аллен хмурится и холодно принимает извинения. Ну а потом мы начинаем вспоминать — кто с нами контактировал, кто приносил еду и вино и кто теоретически мог такое сделать. А еще — не случилось ли в трактире за последние дни нечто такое, что выпадает из обычного ряда событий. И тут же получил ответ: убили молодую проститутку. Зарезали той ночью, когда пострадала Соня.

Я помню эту девчонку — довольно-таки симпатичная, еще не потрепанная, — она строила мне глазки и предлагала ублажить бесплатно. И очень расстроилась, когда я вежливо отказался от ее предложения. И еще вспомнил, что она вертелась рядом, когда мы в тот вечер развлекались с Соней.

Как выяснилось, эту шлюшку тем вечером снял некий мужчина, лица которого, само собой, никто вспомнить так и не смог. Он поднялся с ней в номер, а потом как-то тихо и незаметно исчез, оставив после себя труп с перерезанной от уха до уха глоткой.

Пазл сложился. Можно было бы сходить наверх, туда, где, вполне вероятно, сейчас стоит призрак этой девушки, если стоит, конечно же, а не отправился на тот свет. Но вряд ли это мне чем-то поможет. Я и так догадываюсь, кто это все устроил. И зачем. А то, что призрак подтвердит мои предположения, мне ничего не даст. Пришел неизвестный мужчина, пообещал некую сумму за то, чтобы девица нас траванула. Ну и что? Все равно он не сказал, что прибыл по поручению Элронов. Другое дело — почему не использовал обычный, быстросействующий яд? Хотя и тут понятно — мы должны были уйти из трактира своими ногами, и чтобы подозрение пало на меня. Умерла Соня — и это моя вина. Я ее возбуждал всякой дрянью, я и виноват.

Впрочем, может, все и совпало. Шлюшка хотела мне отомстить за невнимание, а ее убийство — это абсолютная случайность. Такое бывает со шлюхами — их бьют и даже убивают. И это все случается вовсе даже не редко.

Главное, что я выяснил, — это не Аллен. Чувствую всей своей душой, и... магией. Да, я стал чувствовать, когда мне врут. Сила растет. Бабушка, кстати сказать,

меня об этом предупредила. И еще сказала, чтобы я не выпендривался и не показывал свои способности больше чем нужно. Может дурно закончиться.

Ну а с Элронами я разберусь. Знаю, как это сделать. Теперь — знаю.

Глава 2

Мне снится страшный сон. Я такой маленький, такой крохотный, что даже Соня возвышается надо мной как жираф над капибарой. Сониная ладонь огромна, рука девушки тянется ко мне, накрывает рот, нос... мне трудно дышать! Я задыхаюсь, пытаюсь освободиться и не могу! Рука сильная, а я слаб как младенец! Дергаюсь, извиваюсь, пытаюсь вдохнуть, и... просыпаюсь.

И в первые две-три секунды не могу понять, что происходит. Во-первых, на мне что-то лежит. И не просто на мне, а на голове, практически полностью перекрывая доступ воздуха. Что-то упругое, гладкое, пахнущее ароматными притираниями. Промаргиваюсь и осторожно выползаю из-под этого самого «упругого и гладкого».

Сонька. Лежит лицом вниз, раскинув в стороны руки и ноги — ну сущая морская звезда! Правая нога ее и была тем самым «гладким и упругим», что так удобно улеглось мне на лицо.

Как я оказался под Соней, это загадка века. То ли она наползла на меня, то ли я подполз под нее... Наверное, эта загадка останется неразгаданной, как одна из самых недоказанных теорем. Какую там не доказали? Теорему Ферма? Вот к ней присоединилась еще одна теорема — как это Сонька заткнула мне рот и нос своим крепким бедром. Хорошо, хоть не по-

пой... хотя если бы перевернулась на спину — точно бы оказался под попой. Так-то я не против ее попы, скорее наоборот, но дышать-то ведь нужно?

Моя кровать, обычно покрытая таким чистеньким и выглаженным бельем (его тут еще и крахмалят зачем-то!), представляла собой пепельницу, загруженную окурками после знатной вечеринки. Простыня — жгутами и комьями — выпачкана чем-то бурым. Чем? Вином? Вряд ли. Скорее всего тем, чем испачканы бедра Фелны, которая сейчас лежит поперек кровати. Кстати, ее ноги лежали на моем животе.

Хельга тоже здесь, она укрывает глаза Фелны от утреннего света — примерно так же, как это делала со мной Сонька, только, как бы это сказать... поосновательнее, поцентральнее. Извращенки... Все три «окурка» голые, лохматые и перепачканные, будто их катали по мусорке. У Хельги из уголка рта тянется широкий след засохшей слюны — до самой шеи. Если это, конечно, слюна...

Внезапно в голову толчками ударила боль — БАМ! БАМ! БАМ! Не выдержал, схватился за виски обеими руками и, пошатываясь, потащился к зеркалу — может, мне башку разбили?! Чего так болит-то?!

Посмотрел на себя в ростовое зеркало, и меня затошнило. Мои великолепные платиновые волосы настоящего принца торчат вокруг головы примерно так же, как на известной фотографии Эйнштейна. Только чуток погуще да подлиннее. Я даже не выдержал и показал самому себе язык — ну просто гений, да! Умище в отражении не видать, но начало положено.

Рожа... о господи... да такой рожи у меня не было, наверное, с того самого момента, как я появился в этом мире! Опухшая, перекошенная, глаза налиты кровью — то ли по башке прилетело, то ли с перепоею, а может, и то и другое сразу. Щека в засохших бурых потеках

и следах губной помады. Да, здесь тоже используют помаду, только тут все натуральное, никакой «химии».

В помаде и щеки... хмм... и все от подбородка до... колен. Внизу живота — четкий след губ, маленьких таких губ... знакомых. И сейчас почувствовал — саднит... в одном месте. Натер! Оно и немудрено... с тремя-то.

Прихрамывая, тащусь в душ. Открываю воду, встаю под теплые струи, тщательно смываю следы вечерних и ночных безумств. М-да... Мозилла, под твоим чутким руководством, под твоим направляющим и... хмм... в общем — побезумствовали всласть. И похоже, что Фелна все-таки добилась своего, рассталась с застарелой девственностью. А меня эти три демоницы просто изнасиловали.

И, кстати, я совершенно не помню, как все происходило. Настолько был пьян, что в голове только отдельные картинки, мельтешение, голоса и стоны. И больше ничего.

Та-ак... придется вспоминать. Терпеть не могу такого вот... безобразия! Нет, я не про наши кувыркания в постели, я про пьянку и последующие провалы памяти. Вообще-то тем я всегда и отличался, что не терял голову и не напивался, как свинья. Что случилось в этот раз?

Итак, трактир. Мы уселись за стол, Аллен заказал самого лучшего вина. Шутили, разговаривали — Аллен строил глазки Хельге, а та незаметно подмигнула мне и начала разводить парня на «любофф». Типа — он ей нравится, но я сижу как собака на сене. А так бы... полный разврат и охи с ахами. Девки, конечно же, были в курсе, они улыбались, хихикали и перемигивались.

Ведь добрые девчонки, я знаю! И душевные. Но при этом злобные, как гиены! Развести мужика, выставить его дураком, посмеяться над ним — это в ранге положенности. Ну как так? Я даже не выдержал и показал

Хельге кулак. Но она только плечами пожала и продолжила томно вздыхать и делать красивые позы, обозначая линию талии и глубокими вздохами приподнимая немалую грудь. Кстати — третий размер, не меньше. У Соньки почти пупырышки, в ладонь умещаются, у Фелны размер примерно второй, а у этой — ну такие... хмм... холмы! Просто как с картинки. И между прочим — не отвисают. Я даже как следует прощупал, когда мы с ней были в постели — неужто натуральные, не протезы, какие впендюривают наши модели? Нет, точно — настоящие. У меня однажды была женщина со вставленными грудными протезами. Ощущение, честно сказать... не очень приятное. Ты ЗНАЕШЬ, что у нее там силикон. Будто резиновую игрушку щупаешь...

Не понимаю — зачем так делают? Маленькая грудь? Да большинство мужиков любит женщин с маленькой грудью! Как говорил мой знакомый (служили вместе) Славка: «Женская грудь должна уместиться в ладони!» Я лично никогда не обращал внимания на размер груди. Мне всякие нравятся.

Вот когда груди висят тряпочками, когда это пустые мешочки — тогда я еще понимаю, можно и спротезировать. Да и то... я не в курсе, но, наверное, можно как-то их подтянуть? Не всегда же нужно вставлять силиконовые мешки? Ну, я могу и ошибаться.

Дальше — я играл на сцене, взяв лютню Аллена. Он буквально выпихнул играть, видимо рассчитывая на то, что девки кобенятся и не дают ему потому, что стесняются злобного меня. А стоит ему устранить злого ворка — и тут же он трахнет девок прямо на столе. Ну или у себя в комнатушке.

Я поиграл — вначале сыграл свою любимую канцону Вавилова, спел «Город золотой». Потом — «Ветром тронуло струну». После — про принца, который ищет Правду. Спел и ту песню, которую сочинил для Соньки,

она даже вскочила с места, подбежала ко мне, под громкие вопли и аплодисменты впиалась мне в губы долгим поцелуем и не отпустила минимум минуту. Народ вопил, радовался, даже хором считали — сколько продержится этот поцелуй, а некоторые совсем уж отмороженные предлагали мне «трахнуть девку» прямо на сцене, обещая осыпать меня серебром за такое зрелище.

Народу очень понравилось. Эти грубые, жесткие, как старая подошва, наемники и корабелы в глубине своей зачерствелой души сентиментальны и очень любят нечто пафосное и красивое. Я это прекрасно знаю еще с Земли. Стоит найти нужную кнопочку, нажать на нее — и понеслось: слезы на глазах, и ты их лучший друг и брат. Ну вот, к примеру, спел им «Сагу о наемниках»:

Налейте наемникам полные чаши —
Им завтра снова в поход.
Привыкший сражаться не жнет и не пашет,
Иных хватает забот.
Он щедро сулил, этот вождь иноземный,
Купивший наши мечи.
Он клятвы давал нерушимее кремня,
Сильнее чем солнца лучи.

Это стихи Марии Семеновой, на них песню сочинили. Я взял музыку той песни, перевел как мог, ну и... вот. Так вот прослезились, черт подери! Я сам видел, как утирали слезы!

А потом «Балладу о трех сыновьях»¹:

В краю средь гор и цветущих долин
Текла река, исчезая вдали.
Прекрасней не было страны,
Где рождались баллады и сны.

¹ «Баллада о трёх сыновьях», слова Т. Шиловой

В дорогу звал глас таинственных гор.
Три сына там покидали свой дом.
Один был горд, другой — упрям,
А третий был сердцем смирён.

Слова Отца были грусти полны:
«В любви моей вы росли как цветы.
Что ждет вас там, в чужих краях?..
Да хранит вас молитва моя».

После того как народ прослушал эту песню, началась небольшая такая, локальная, драка. Наемник со шрамом на щеке доказывал соседу, что отец был совсем не прав, когда доверил управление государством какому-то лоху педальному, сохранившему любовь и всякую такую чушь. Потому что управлять государством в белых перчатках нельзя. И что только первые два сына могли бы управлять страной.

Слово за слово... двое остались лежать на полу с разбитыми физиономиями, еще двое утирали морды, разбитые в кровь.

Кстати, я согласен с наемником. Глупая песня, хотя и нравится народу. Нельзя ставить во главе государства какого-то рохлю. Дурно это все закончится. Там нужен или бизнесмен, или воитель. Иначе сожрут, лишат трона — не добрые соседи, так само окружение короля.

Ну а дальше понеслось вскачь. Я еще много играл и пел, потом мы с девчонками танцевали — и Аллен получил по роже от Хельги (а нечего хватать ее за задницу), а потом... потом я ничего не помню. Ну... почти ничего! Так, урывками. Мы все нажрались до поросычьего визга, и если двигались вертикально, то лишь потому, что поддерживали друг друга, а еще — на своей железной воле, упрямстве и спеси. Ведь курсант академии, маг и будущий офицер не может

валяться на земле, как свинья в луже! Он должен стоять до последнего, даже сраженный почти до смерти коварным напитком, придуманным врагами родины.

Путь до Академии выпал из моей памяти, всплывали только отдельные сцены. Вот мы выходим, горланя какую-то балладу, целуемся, обнимаемся с Алленом — тоже, кстати, ужравшимся в хлам. Он обещает жениться на Хельге и даже почти ей не изменять. И сделать девушке минимум пятерых детей.

Потом картинка — мы деремся. Смутно так вспоминаю — человек десять наемников пожелали потискать шлюх, которые, само собой, будут рады вниманию настоящих мужчин — грубых, воняющих пивом и наркотой. А не каких-то там лощеных принцев, бренчащих по струнам. «Шлюхи» тискаться отказались и предприняли недружественные действия ограниченным контингентом, визжа и прыгая, как стая обезьян. Не скажу чтобы мы в этом сражении были так уж безупречны, но наемников все-таки положили — не без помощи Аллена, который радостно включился в процесс.

Шатаясь, продолжая горланить, мы все-таки дотащились до КПП Академии. Как шли — убей, не помню! Помню губы девчонок — мы время от времени останавливались и целовались, и эти демоницы предлагали никуда дальше не ходить, а устроить оргию прямо в кустах — все равно темно, и к тому же на всех плевать. Помню, что предложение отверг, сообщив, что все кустики в городе крепко «заминированы» дерьмом. Так что предложение было признано убогим.

В Академии горланить не стали — тихо прокрались по коридорам, хихикая и шикая друг на друга. Кстати, пришлось на КПП отдать пару статеров — само собой, к отбою мы катастрофически опоздали, притащившись как минимум к трем часам ночи.

Почему, кто предложил толпой завалиться ко мне в комнату — не знаю. Завалились, и все тут!

Также не помню, что происходило на кровати. Вообще я всегда был против пьяного секса. И ощущения притупляются, и потом, когда проснешься, будет мучительно больно смотреть на то чудовище, которое ночью тебе казалось молоденькой моделью, а поутру стало бабой-ягой в последней стадии ожирения.

Насчет последнего все нормально — эти три демоницы хоть пьяные, хоть трезвые, хоть вымазанные в пыли и перьях все равно выглядят так, что позавидует любая моделька, над которой два часа работала толпа визажистов. Молодость и красоту не скрыть никаким макияжем. Но... было обидно за ту же Фелну — лишиться девственности можно только один раз. И я всегда считал, что это должно быть красиво обставлено. Например — свечи, лепестки роз в ванне, бокал шампанского и ласковые поцелуи любимого. А не визги, хихиканье подружек, которые дают тебе советы, как лучше это все устроить, и покровительственно хлопают тебя по заднице, вслух комментируя происходящее и вспоминая то, как это было у них.

Да, кое-что вспомнил, и мне даже стало немного стыдно. Лучше бы я поддался раньше...

Кувыркались мы, похоже, до утра — я даже, грешным делом, подумал о том, что похоже на то, как если бы нам снова подсыпали того самого снадобья. По-хорошему, после такой пьянки мы должны были спать как убитые, а не устраивать секс-марафон! А вот поди ж ты... успокоились только тогда, когда первые лучи солнца прилетели в мои окна. Представляю, чего наслушались наши соседи по коридору! Одна девица может разбудить все общежитие, а когда их три да еще и с поехавшей крышей... брр!

Итак, стройная картина вчерашних безумств выстроилась последовательно, начиная с первых минут нашего нахождения в трактире. То, что я кое-что забыл о прошедшей ночи... может, и надо было бы это забыть. Честно сказать, такого разнузданного безобразия в моей жизни еще не было. Ни в одной из моих жизней.

А девчонки-то, девчонки что творили! Черт подозре, как они будут смотреть в глаза друг другу и мне, грешному? Когда проснутся, естественно. Как с цепи сорвались, точно. А я еще скептически слушал их рассказы о том, что творится в Академии, когда никто не видит. Как отрываются домашние детишки, впервые вырвавшиеся из дома на свободу. Думалось — преувеличивают. А вот и нет!

От «своих» девок я точно такого не ожидал. Где только научились всему этому, чертовы девственницы?!

Подумав немного, напустил воды в ванну и улегся в нее, следя за тем, чтобы случайно не захлебнуться, когда выйду из тела. И потом с полчаса залечивал боевые раны. Все-таки прилетела мне плюха, и похоже, что не одна. Драться в пьяном виде — что может быть глупее? Нет, в дальнейшем я такого больше не допущу!

И тут же едва не захохотал, вдруг вспомнив, как Сонька напрыгнула на бородатого, заросшего по самые глаза наемника и вцепилась ему зубами в ухо. Вот он орал! Похоже, что чертовка это самое ухо напрочь откусила.

А я что-то пел, когда дубасил этих придурков. Кстати — все костяшки пальцев сбиты, и кисти рук распухли. А мне, между прочим, сегодня на дуэль идти! Да не на одну! Хорошо, хоть назначили на два часа дня, а не с самого утра. Иначе я бы выглядел очень непрезентабельно. Как кусок дерьма.

Едва успел вернуться в тело. Кстати, надо было закрыть дверь в ванную. Первой ввалилась Сонька —

лохматая, как веник. Зевает, почесывается там... где и положено почесываться с похмелья. Глаза мутные — по-моему, девица поднялась, но проснуться забыла.

— Привет! — Соня встала под струи воды и начала мыться, не обращая на меня ровно никакого внимания.

— Привет! — Это ввалилась в ванную комнату Фелна и, пошатываясь, уцепилась за Соньку. — Ой, что-то мне плохо! Подташнивает! Наверное, пироги были несвежими!

Я начал хохотать, и девушки с осуждением уставились на меня, как будто я вдруг стал веселиться на похоронах.

Хельга появилась через минуту — тупо уставилась на меня и утробным голосом вдруг сказала:

— Ты ненормальный! Ты маньяк! Ты только посмотри, что сделал с девушками! У нас все болит — внутри и снаружи!

Я чуть не утонул. От хохота обессилел, сполз в воду, хотя вроде и налил-то совсем немного, и не мог успокоиться еще минуты три — как гляну на серьезные, скорбные личики девиц, так меня сразу на хохот пробивает.

А еще внезапно почувствовал возбуждение. Три красивые девицы, без малейшей искусственности, деланности, ненатуральности. Три цветка... пусть и слегка примятых моим каблуком. Или чем-то другим. Ну до чего же они хороши! Пришлось глаза закрыть, дабы избежать дальнейшего развития событий. А оно могло быть только одним, это развитие.

Потом я их лечил. Сам-то уже чувствовал себя просто великолепно — убрал и ушибы, и алкогольную интоксикацию. Хельга даже сказала, что я выгляжу до отвращения здоровым и веселым. Таким нельзя быть после попойки — это укор всем остальным ее участникам и гнусное глумление над людьми.

Ну ничего... лечение не заняло много времени. У всех девочек нашлись синяки — я сначала-то и не разглядел, когда они валялись на постели, как окурки в пепельнице (благо что кровать огромная). Но когда начал лечить, обнаружил — у Соньки здоровенный синяк на спине, сказала, что ее достал ногой один из придурков-наемников.

У Фелны — синяк под глазом, на скуле, синяк на левой ягодице и два кровоподтека на голени.

А больше всего досталось Хельге — у нее здоровенные синячины на бедрах прямо возле ягодиц, синяк на боку, на скуле и припухшая губа.

Кстати, как она ядовито мне сообщила, синяки на бедрах — моих рук дело. Не надо так вцепляться в девушку, она не деревянная! И не убежит, если сама встала на колени! А когда я попытался отбиться от неправомерного наезда, обе другие страдальцы с меньшим злорадством подтвердили, что эти синяки в буквальном смысле слова дело моих рук. И что я выглядел как маньяк, который желает до смерти обиходить несчастную жертву. Грубый мужлан, жеребец, которому... не надо сдерживать свои порывы, потому что именно за это они меня и любят.

М-да. Сплошные противоречия! И как так жить?!

На занятия мы не пошли. Отлеживались, отстаивались, от... в общем — вылезли мы из номера только к обеду. И на завтрак не ходили.

Пришлось еще раз идти мыться — само собой, мы не просто так отлеживались. В этот раз я постарался сдерживать себя и не показывать свою жестокую натуру маньяка. Что, по-моему, не очень понравилось моим утонченным, интеллигентным подругам. Хельга даже с иронией спросила: «И где твой ночной темперамент?! Выдохся, что ли?» На это провокационное замечание я отвечать не стал, и в общем-то все получилось

очень хорошо. Эдак по-семейному. Встали с утречка, решили вопрос без спешки, со всем вежеством, и поехали по делам. Хватит разнузданных оргий! Дашь оргии семейные, раздумчивые и тихие! Ибо не хрен.

Девчонки выходили от меня по одной, вначале разглядывая коридор через щелку между дверью и косяком. Глупо, конечно же. А то никто не видел, как мы вчера ввалились в Академию «на бровях». Секрет, понимаете ли! А потом кое-кто стонал и орал, как стая гусынь. И теперь они крадутся, аки тати в ночи. Ох уж эта женская нелогичность... я бы на их месте шел гордо, с поднятой мордой! Кому какое дело, где был? И с кем? Идите вы все...!

Ну, все идут в одно место, а я отправился в другое. В ректорскую. Получать ценные указания.

И получил.

— Вы с ума сошли, курсант Син! Вам сегодня предстоит на дуэли встретиться с лучшими бойцами Академии Тактики, а вы что делаете?! Устраиваете пьянку в трактире! Разнузданную оргию у себя в апартаментах! Да, да, не делайте такое лицо — вас слышала вся Академия!

И тут же, наклонившись вперед, шепчет:

— Если Хельга залетела — я тебя сгною! Я сделаю все, чтобы ты сдох! Я лично тебя убью! Я тебе яду подсыплю в чай! Я тебе...

Он долго перечислял способы уничтожения моего брэнного тела, а я терпеливо слушал и сдерживался от зевка. Что ни говори, а ночка была бурная, спал я всего часа два, а то и меньше. А то, что он меня ругает и обещает прибить — так на то и отец. Я бы тоже орал за свою дочку, и еще не так. Интересно, Хельга применяла амулет от беременности? Вроде бы разговор такой был. Вот только разговор одно, а реальное применение — совсем другое. Но тут уж... я ни при чем. Не

надо было меня так заводить. И вообще — прерванный половой акт вреден для здоровья мужчины.

Прооравшись, ректор успокоился и уже нормальным голосом начал обсуждать дела наши скорбные. А именно — кого мне нужно в первую очередь глушить на дуэли. И как бы между делом сказал, что по собственной инициативе в ответах на вызов увеличил компенсацию за отказ от поединка до двухсот золотых. А штраф за отказ от выполнения обязанностей после проигрыша — до трех тысяч.

Я так и сел. Вот же знатный барыга! Я всего лишь хотел отбиться от посягательств желающих покромсать мое белое тело, а он это все превратил в кормушку! Пятнадцать процентов — Академии. Вот жулье! Одно мне нравится — этот старый выжига не сомневается, что я выиграю, иначе бы он так не рисковал. Но теперь сомневаюсь я: а с чего решил, что могу выиграть всегда и везде?

Впрочем, пусть даже так — найдется некто, кто поставит зарвавшегося меня на место. Побьет супостата. И что будет? Ну, отстою голым на площади несколько часов, да и всех делов! Плевать да размазать. Не сглазят, черт подери. Пусть полюбуются на мои достоинства, извращенцы проклятые. Бой все равно не до смерти, так что...

Настраиваться на проигрыш не следовало, я выругался (про себя) и осведомился у шефа, сколько желающих нанести мне моральный и физический вред имеется в настоящий момент. И получил ошеломляющий ответ: четыреста двадцать девять бойцов!

Твою мать... да это же практически вся Академия Тактики! И, кстати, когда ректор успел окучить всю эту массу народа?

И тут он со вздохом признался, что провести такую работу было практически невозможно, ему при-

шлось привлечь несколько стряпчих, отдать им приличные деньги, задействовать кучу курьеров, так что если я, как идиот, позволю себя убить или покалечить в первых же боях, — он меня прибьет, а потом помочится на мой труп. Ибо это будет не только финансовый ущерб для Академии, но и падение ее престижа. И меня возненавидят все, кто меня знает.

То, что моему обоссанному трупу будет глубоко плевать на то, как его ненавидят, — я говорить не стал. Как и убеждать в том, что обязательно выиграю поединки. Считать неполученные доходы тоже не собираюсь — нет лучшего способа испохабить бизнес, как начать считать и распределять деньги, которые ты от этого самого бизнеса должен якобы получить. Спугнуть удачу — это легче легкого. Не надо гневить Провидение.

От ректора я потащился в свой номер, раздумывая о превратностях судьбы и о том, что как-то слишком уж лихо все пошло-побежало. Не сломать бы ногу на кочке... Все ли я учел?

Глава 3

— Слушай, Пет... а все-таки... что ты там такое пел, когда мы били наемников? — Соня усмехнулась и попыталась изобразить. Вышло у нее вполне недурно: «Врязагуу не сдаецца наш горьдий Варьяг...» Это что, какое-то заклинание? Ты их заколдовывал?

Я сжал зубы, но губы дергались — едва сдержался, чтобы не расхохотаться. Точно, вспомнил! Было такое! Вот нельзя мне напиваться, нельзя!

— Ну... что-то вроде заклинания. Нашел в старой книге, — поясняю серьезно. — Это для поддержки воинского духа. Говорят, в давние-предавние времена

воины, выходя на поединок, распевали эту песню, готовясь к смерти и отгоняя мысли о поражении. Помогало!

— Надо запомнить, — задумчиво кивнула девушка и, привстав на цыпочки, поцеловала меня в губы. — Давай, держись... мы за тебя переживаем! Будь осторожен!

— Будь осторожен! Будь осторожен! — эхом повторили Хельга и Фелна и тоже меня поцеловали.

Хорошо. С такой-то поддержкой — как мне можно проиграть?

— Я поставила тысячу, как ты и сказал! — Это Фелна.

Я попросил ее поставить на меня, на то, что не проиграю ни одной схватки. Вексель лежал у меня в шкафу. Ставки принимали официально, оказывается, здесь есть что-то вроде гильдии букмекеров, которая принимает ставки. Я решил рискнуть. Ну а чего... деньги-то у меня есть! Проигрывать я не собираюсь, так что...

— Син! — Знакомый голос едва не заставил меня вздрогнуть, так громко он прозвучал. — Иди сюда, на пару слов.

Рогс. Хмурый, можно сказать черный, как туча. И чего так расстраивается... Отхожу от девчонок, которые тут же сделали такие физиономии, будто откусили от бруска мыла. Понимаю — любопытно же!

— Син! — тихо говорит Рогс. — Тебе готовят ловушку.

— Знаю, — пожимаю я плечами. — Какую-то девку выставили... чемпионку.

— Какую, к демонам, девку?! — шипит Рогс. — Все о девках думаешь! Один разврат на уме, демоны тебя задери! Я бы пожелал, чтобы тебе башку разбили, если бы ты не защищал честь нашей Академии! Какой бы ты ни был... а все равно — наш! Слушай вниматель-

но! Они притащили сюда лучших бойцов! И не Академии лучших бойцов, а для замены! Ну что ты так смотришь? Сам ведь недавно участвовал в такой дуэли! Можно, можно заменять, это не возбраняется кодексом. Трех бойцов подряд выставлять, наверное, не будут, но одного — запросто. Есть информация, что притащили пятерых профессиональных бойцов, что выступают на Арене, и тех, что уже не выступают.

— Но это же... бесчестно! — искренне возмутился я. — Тут ведь речь не о простой дуэли, а о дуэли между курсантами!

— А какая разница? — вкрадчиво спросил Рогс. — Все уже знают о том, что ты убил Ласселя и победил его отца. А перед этим прикончил призовых бойцов. Никому не хочется платить такие деньги или стоять голышом на площади. Честь, говоришь? Тут уже не честь, тут уже деньги! Итак, слушай: вначале пойдут те, кто попытается тебя свалить лично. Первой будет их чемпионка. Следом — начальник службы безопасности. А уже потом — призовые бойцы. Один — это точно, но могут быть и два, и три. Задача — не просто тебя свалить, а еще и искалечить, а может, даже убить. Последнее — самое лучшее. И только не говори, что тренировочным мечом убить нельзя!

Я и не говорю. Пальцем можно убить, а уж килограммовой стальной дурой — это без всякого сомнения. Опять же, если только вспомнить великого Мусаси — он деревянной палкой уработал чемпиона. Что уж говорить о железяке. Все равно как арматуриной врезать, только еще хуже. И пусть конец тренировочного дуэльного меча закруглен — и его можно в ребра воткнуть. Ох, судьбинушка... ну почему мне не живется спокойно?

— Выдержишь? — смотрит на меня испытующе, серьезно и даже доброжелательно. Оно и понятно —

мы в одной лодке. Если ты болеешь за альма-матер — значит, болеешь и за меня.

— Постараюсь! — Киваю Рогсу и улыбаюсь как можно более доброжелательно. — Ну а что мне еще остается?

— Да... что тебе еще остается? — задумчиво тянет Рогс, кивает и уходит туда, где сидят преподаватели Академии во главе с ректором. Ректор, кстати сказать, смотрит на меня. Хотел помахать ему, но решил, что это будет слишком уж вызывающе. Даже нагло. Не тот у меня статус, чтобы махать ректору.

— Что, что он сказал? — Кидаются ко мне девчонки, но я молчу и только лишь отмахиваюсь. Какой смысл рассказывать им о нашем разговоре? Волновать лишнего. На ситуацию это никак не повлияет.

* * *

Юранда размялась, сделав несколько энергичных движений — наклонялась, махала руками, наносила удары невидимому противнику. Затем взяла в руку меч — длинный, как раз по ее росту, и со свистом рассекла воздух — раз, другой.

Она с детства знала, что не такая, как все. У нее не было друзей — кроме кобылки Ноки, которая росла вместе с ней. Отец, бывший офицер, получил тяжелое ранение на воркской войне и был отправлен в отставку в звании майора. Воркская стрела пробила ему легкое, а потом рана загноилась. Если бы не маг-лекарь, он бы точно не выжил.

Юранда не любила ворков. Да и как можно любить тех, с кем ты воюешь? Тем более что они едва не лишили ее любимого отца. Отец — сильный духом и телом человек, обладающий невероятной физической силой. Например, он подымал ту же кобылку Ноки и легко нес ее на плечах. Мог держать на вытянутых

руках одновременно и Юранду, и ее мать, тоже отличавшуюся и ростом, и телесной крепостью.

Мать едва не умерла при родах, и, опять же, если бы не лекарь, скорее всего, не пережила бы рождения дочери. Юранда родилась очень крупной и сильной.

Нет, она не была уродкой, не была мужеподобной толстухой — наоборот, Юранда была красива своей странной красотой, непохожей на красоту обычных женщин. Да, ее тело, воспитанное постоянными изнурительными тренировками, было мускулисто, крепко, как железное дерево, но при этом у девушки имелось все то, что должна иметь настоящая женщина — небольшая упругая грудь, округлый зад, длинные ноги, лицо — немного хищное, но очень красивое, и на этом лице сияли серые, будто светящиеся изнутри, глаза. Но... у Юранды никогда не было мужчины. Они шарахались от нее как от дикого зверя. Почему? Потому что, во-первых, она не переносила измены и относилась к отношениям с мужчиной так же, как офицер должен относиться к службе Родине. То есть — дал присягу, так держись! Не предавай! Иначе последует скорая и неизбежная кара. А то, что она последует — это без всякого сомнения. Юранда не отличалась терпимостью и не давала повода усомниться в своих убеждениях. Однажды она прилюдно сказала знакомой девице, хваставшейся своими постельными победами (в Академии нравы были довольно-таки свободные), что на месте ее парня она бы давно вырвала ей ногу и этой ногой забила бы девку насмерть. А если бы ее парень так себя вел, заставила бы изменника сожрать его собственный член. И как после таких высказываний к ней будут относиться?

А второй причиной и главной, почему парни обходили ее стороной, был рост девушки. В высшей степени неприятно, когда ты идешь рядом с девуш-

кой, и она возвышается над тобой как осадная башня. Юранда была как минимум на полголовы выше любого из самых высоких парней. И сильнее любого из них. Однажды на занятиях по физподготовке она на спор предложила запрыгнуть ей на плечи всем парням, которые этого желают. Юранда выдержала пятнадцать человек. Возможно, их было бы и больше, но просто уже не могли удержаться. И эти-то с трудом цеплялись за своих товарищей. Она еще и прошла с таких весом шагов десять, пока вся эта шевелящаяся масса не начала с нее опадать. Потом пришлось залечивать синяки и царапины на шее и плечах.

Когда ей предложили вызвать на дуэль этого ворка, Юранда не колебалась ни мгновения. Во-первых, она не любила ворков.

Во-вторых, польстило, что Академия предоставила ей право защитить честь товарищей.

Ну и в-третьих... Юранде самой было интересно поучаствовать в эдаком эпическом мероприятии, о котором говорит весь город и которое останется в памяти людей навсегда. В то, что она может проиграть, девушка не верила. В свои семнадцать лет она не проигрывала ни разу. Если не считать отца, в самом начале ее тренировок. Уже в двенадцать лет девушка на равных фехтовала с бывшим майором, в тринадцать побеждала его в каждом втором бою. Все остальные бои заканчивались вничью.

У нее не было магии, по крайней мере такой, какая годится для настоящих боевых магов. Но специалист по магии сказал, что Юранда обладает скрытыми магическими способностями, которые направлены только в одно русло — на усиление ее физических возможностей. То есть она вроде бы и маг, но все-таки не маг. Боец, каких рождается очень и очень мало. Поэтому все эти рассказы о том, что отец Юранды напа-

ивал ее какими-то специальными снадобьями, увеличившими ее скорость и силу, были просто глупостью. Кто-то придумал, кто-то распустил слухи — вот и получилась стройная, но далекая от истины легенда. Когда ты рождаешься от таких родителей, берешь от них все лучшее — силу, скорость, красоту, — получается то, что получилось. Юранда.

Девушке с такими физическими данными путь один — в Академию, благо что отец после выхода в отставку занялся бизнесом и очень недурно преуспел. У него имелись оружейные лавки, торговые корабли, продуктовые магазины, а еще — довольно-таки обширные земли на юге, на самых плодородных местах. Эти земли он сдавал в аренду за долю от урожая, и его дело благополучно процветало. Семья хорошо обеспечена, так что проблем с платой за обучение в Академии не было никаких. Ну а сама Юранда не видела себя никем, кроме как армейским офицером. При ее физических возможностях — кем еще? Купчихой? Возможно. Но... потом, когда-нибудь. Когда отомстит за рану отца.

Она была на балу, где ворк (со слов соратников) разнес всю Академию. И видела этого ворка — как он входил со своей свитой из трех шлюшек, готовых ради него выпрыгнуть из трусов. Как они смотрели на этого мерзавца! Это надо было видеть! Жалкие воркские подстилки! Так смотрят только на ангела, слетевшего с небес! А ведь что в нем такого? Красивый? Слишком красивый! Отвратительно красивый! Слащавый, как пересахаренное пирожное! Одеть его в женскую одежду — не отличишь от девки.

А эти его глаза? Мерзкие, отвратительные голубые глаза! Смотрят так, будто видят вместо человека кучу дерьма. А кто он вообще такой? Жалкий дикарь, ворк!

Принц? Ну, может, и принц. Принц дикарей! Надменный, слащавый, вышагивающий будто здоровен-

ный сытый кот — что он может вызвать, кроме отвращения?!

Он даже снился Юранде — почти все эти ночи после бала. Шел на нее — голый, с торчащим... тьфу! Отвратительно! Она просыпалась мокрая, будто попала под дождь. А перед глазами картинка — на нее надвигается обнаженный ворк со своим «хозяйством» наперевес. И мерзенько так улыбается — мол, попалась, птичка! Не улетишь!

Юранда тогда ушла с бала. Сама не знала почему, но ушла. Тем более что все равно с ней никто не танцевал — стеснялись своего роста. Ну а потом она узнала, что на балу было устроено побоище, и откровенно пожалела, что ее там не было. Было бы забавно схлестнуться с этим надменным животным и как следует его наказать. Отбить ему ЭТО! Чтобы больше не торчал!

Он даже не знает, что такое честь! Это надо же — выдвинуть такие условия! Деньги! Ему нужны деньги! Ну что же... Юранда покажет этому мерзавцу, что такое деньги. Интересно будет посмотреть на него... голого.

Юранда вздохнула и слегка заалела щеками. Вообще-то ей было всего семнадцать лет, и мужское хозяйство она видела только у рабов и лошадей. Ну и на картинках, конечно же. А вот так, живую... Ну что же — вот и повод разглядеть его как следует. Убедиться в справедливости рассказов о том, что ворки отличаются своими... хмм... размерами. Животные...

На трибунах шумели — кто-то разговаривал, кто-то хохотал, кто-то бурно обсуждал будущие бои, при этом размахивая руками. Трибуны вмещали как минимум пятьсот человек — сюда по задумке архитектора, проектировавшего площадку, должны были уместиться все курсанты Академии плюс ее гости. А курсантов

сейчас гораздо меньше, чем пятьсот. Магов с каждым годом становится все меньше.

— Вы готовы, курсант Оссан? — Ректор родной академии смотрел на нее строго, но в глазах проглядывались уважение и надежда. Он всегда ее уважал — ректор знал отца, и когда-то они даже дружили. Потом жизнь их развела, но уважение осталось. Сейчас ректор был абсолютно официален, ведь на них смотрят тысячи глаз. Те, кому не хватило места на трибунах, сейчас стояли вокруг площадки плотной толпой. Насколько знала Юранда, на поединки делали ставки. И большинство ставок — на нее. Один к двадцати.

— Готова! — Неглубоко поклонилась девушка, в поклоне почти сравнявшись ростом с ректором. Он чуть улыбнулся и скомандовал:

— На арену!

И Юранда пошла туда, где ее уже ждал соперник.

Ворк выглядел почти так же, как и в прошлый раз, — спесивый изгиб сочных, пухлых губ, огромные голубые глаза, будто светящиеся изнутри, серебристые волосы, сложенные воинским хвостом. Свободная рубаша с нашитыми на нее кружевами — по последней моде, черные с серебряным узором штаны, облегающие сильные, с длинными сухими мышцами ноги. Мерзавец необычайно красив и точно об этом знает.

Юранду бесил его взгляд — оценивающий, жадный... хамский. Этот негодяй, этот кобель раздевал девушку взглядом, его взгляд сделался будто материальным, Юранда почти реально почувствовала, как невидимые руки ползают по ее телу, касаясь груди, сосков, ласкаемых шелковой тканью свободной рубашки, трогают бедра, плечи...

Она тряхнула головой, сбрасывая дурноту, накатившую на девушку так, будто выпила три кувшина

вина, и досадливо поморщилась — слышала о том, что ворки обладают искусством обольщения, что у этих дикарей сохранилась исконная, животная магия, с помощью которой они влюбляют в себя неосторожных женщин. Но, скорее всего, сейчас был не тот случай. На площадке не работает никакая магия — специальные амулеты позаботились об этом. И вообще, если негодяй попробует применить какую угодно магию и дело раскроется — ему грозят пытки и смерть. Он никогда не станет так рисковать.

Ворк стоял расслабленно, опираясь на тренировочный меч, и казался настолько сонным, настолько... беззащитным, что Юранду вдруг кольнула иголочка досады — отлупить этого красавчика равно тому, как если бы она отняла игрушку у ребенка. Никакой чести в этом нет, и никакого труда. Непонятно, чего все с ним так носятся: «Будь осторожна! Он очень силен!» Кто силен?! ЭТОТ... дамский угодник?! Да по его смазливой мордашке видно, что он умеет работать только членом да языком! И вообще — как это ничтожество сумело пролезть в Академию? Кто сюда пустил это животное?

Юранда накручивала себя, приводя в боевое состояние, и через несколько секунд почувствовала, как кровь забурлила в жилах, как загорелись мышцы, требуя движения, скорости, риска! Юранда знала, что такое оргазм — в конце концов, любая девушка может себя довести до него и без мужчины, но слаще всего для нее был оргазм битвы! Наслаждение борьбой, поединком! Преодоление и победа!

Она подошла к противнику, продолжавшему поедать ее взглядом, и не сделала попытки поприветствовать даже тогда, когда ворк склонился в очень вежливом поклоне. Юранда презирала этого лощеного мерзавца, который, скорее всего, был игрушкой для мужчин, а не для женщин. Слащавый подлец!

— Ты прекрасна! Такие красивые женщины редко встречаются! — Юранда вдруг с удивлением и даже трепетом услышала голос ворка. Голос был звучным, чистым, с эдакой легкой ленивой хрипотцой. Голос мужчины, который уверен в своей силе и снисходит до женщины, позволяя любить себя что есть сил. И это просто взбесило девушку! Она напала.

Клаш!

Удар, который должен был сломать ворку ключицу, непостижимым образом был отбит. Легко так, будто нехотя, но невероятно быстро. Меч ворка хлопнул Юранду по спине, и она с ужасом поняла — убита! Она, Юранда Бешеная, убита!

Но это знала только она. И ворк, который сейчас широко ей улыбался. И те, кто сидел близко и понял, что сейчас произошло. Но Юранда сдаваться не собиралась. Правила дуэли гласят, что противники сражаются до тех пор, пока один из них или оба не смогут продолжать бой. А еще — пока один из них не объявит о своем проигрыше. Но Юранда сдаваться не собиралась. Это все было случайностью, этого не было вообще — потому что быть не могло! Она не могла ТАК проиграть! Первым же ударом! Почти не двинувшись с места!

Клаш! Клаш! Клаш!

Три удара, один за другим, слившиеся в барабанную дробь. Никто не смог бы парировать эти удары, большинство из людей вообще не смогли бы их даже заметить! Но он успел. Почти не двигаясь, короткими, точными движениями, почти не принимая удар на свой клинок. Юранда била со всей своей мощностью, так, что если бы даже ворк успел парировать удар, то его клинок не выдержал бы удара и сломался или же ударил по своему хозяину. Удары Юранды были потрясающими, она била как молотом по наковальне,

это знали все, кто на свою беду пытался биться с ней в учебном поединке.

Юранда быстра, но ворк оказался быстрее. Гораздо быстрее! Вихрь ударов, и ни один не достиг цели! Ни один! С такой силой и скоростью девушка еще ни разу не работала, через пятнадцать секунд боя по ее лицу покатались крупные капли пота, и она стала тяжело дышать. Ворк это заметил, он отступил назад, достал из кармана штанов белый платок, отороченный кружевами, и предложил его Юранде. Та гневно фырчит, и тогда ворк со своей дурацкой улыбкой прячет платок обратно в карман, потом подчеркнуто уважительно кланяется девушке и снова встает в стойку. Бой продолжается.

После пяти минут боя Юранда поняла — все хреново. Очень хреново! Потому что ворк вообще не бьет. Ну совершенно не бьет! Уворачивается, парирует клинком, танцует, изящно пропуская удары мимо себя. Но не бьет! И еще — этот мерзавец даже не вспотел! С Юранды летят капли пота, впитываясь в разогретый солнцем песок, едкой жгучей жидкостью заливает глаза, их начинает щипать, легкие работают как кузнечные меха, стараясь прогнать сквозь себя максимальный объем воздуха, а этот проклятый ворк сухой, как если бы вышел на прогулку под сенью старых дубов!

Ужасно! Это ужасно! Юранда знала, что бой закончился в первые же секунды, сейчас ворк с ней только играет, даже не пытаясь ударить, но не хотела этого признавать. Она просто не могла этого признать! Она, доселе не проигравшая ни одного боя!

Мерзавец! Ну какой мерзавец! Лучше бы он ее ударил, лучше бы разбил ей голову — тогда можно списать на случайность, на невезение. Но ворк не бьет. Он будто наслаждается этой игрой, он глумится, уни-

жает, и Юранда ничего не может поделывать — только упасть, уткнуться лицом в песок, чтобы не видеть происходящего вокруг, и... заплакать. Навзрыд, всей душой, как плакала только в детстве.

— Почему?! Почему ты не бьешь?! — хрипло, задыхаясь спросила она, отступив на шаг от невозмутимо улыбавшегося ворка.

— Потому что не хочу повредить такую красоту, — еще шире улыбается противник.

И Юранда вдруг почувствовала возбуждение. В животе запорхали бабочки, Юранда скрипнула зубами, пытаясь подавить предавшее ее тело. И не смогла. Она хотела, она вождедела этого мерзкого врага, и чем больше пыталась отделаться от наваждения, тем больше возбуждалась.

Тело содрогнулось — раз, другой, третий... Юранда бросила меч на арену и, сгорбившись, пошла прочь под крики жаждавшей крови толпы. Она ненавидела их всех — этих мерзавцев, которые пришли, чтобы посмотреть на впитывающуюся в песок арены кровь, так называемых соратников-курсантов, для которых она всегда была чужой, изгоем, трех этих сучек, которые сейчас визжали и хлопали своему кумиру, который каждый день распинает их на своей постели и проникает в них своим чудовищным отростком, какой девушка видела на картинке похабной книжки. И Юранда мучительно им завидовала, так, как не завидовала никогда в жизни. Ей хотелось умереть.

* * *

Я проводил взглядом девчонку и невольно помотал головой, будто не веря своим глазам. Говорили мне, что она *большая*, но чтобы настолько?! Вот если взять мою Соньку и увеличить ее... хмм... в несколько раз... получится эта девица. Ростом под два метра,

и при этом настоящая женщина, от которой перехватывает дух и которая будет сниться долгими ночами, когда под боком не имеется подружки. Если бы такая девка появилась на Земле — ей обеспечено место самой крутой из моделей. Ну.. если и не модель, то жена какого-нибудь олигарха — это без всякого сомнения. Так и вижу ее идущей к «Бентли» в сопровождении личного телохранителя. А рядом — тот самый олигарх, мелкий, грушеобразный, который может дотянуться до губ этой девицы, только лишь встав на сложенные друг на друга толстые бумажники числом не менее десятка. Небось и здесь у такой девушки нет отбоя от кавалеров. Не девка, а мечта поэта, знойная женщина! И ведь ни жирилки в теле!

Люблю таких спортивных женщин. Стукнешь по заднице — будто в бревно старого дома кулаком врезал, только гул по всей округе.

— Это что такое было? Чего это ты с ней так.. развлекался? — подозрительно спрашивает Хельга.

— Да, что такое сейчас видели?! — подхватывает Фелна. — Платочки раздаешь! Между прочим — это мы тебе их подарили, эти платочки! Не для того, чтобы какая-то похабная девка себя подтирала!

— Чего это она похабная? — Вяло трепыхаюсь я.

И тут уже подхватывает молчавшая до этого Соня:

— Она так на тебя смотрела... будто хотела изнасиловать прямо на арене! Бесстыдная девка, точно.

Я недовольно осматриваю моих подруг — уж чья бы корова мычала, а их — помолчала! Не им называть девчонку бесстыдной! Впрочем, «это совсем другое дело». Ага... слышали, знаем.

Сажусь на стул, девушки по очереди обмахивают меня полотенцем. Фелна озабоченно говорит:

— Пет, засранец ты эдакий! Оставь свою дурацкую привычку таять перед красивыми девками! Эти девки

выпотрошат тебя и не задумаются ни на миг — надо это было делать или не надо. У тебя впереди куча боев с настоящими противниками! Так что забудь про свой член, который думает сейчас за тебя, и займись делом. Уничтожь их! Не смотри, кто перед тобой, не ведись на красивое личико и упругие сиськи! Ты боец, черт подери, а не дамский угодник!

Разозлился, да. Во-первых, с чего она решила, что эта девушка была такой уж простой соперницей? Кстати сказать, я по пальцам одной руки пересчитаю тех, кто мог бы с ней на равных соревноваться. Она, между прочим, умеет ускоряться, пусть и ненадолго. Мне, чтобы работать с ней на равных, нужно было приложить много, очень много усилий! И ускорился я не менее десятка раз. А в первые секунды боя мне просто повезло — она меня недооценила, отнеслась высокомерно и тут же за это поплатилась.

Ну и что греха таить... рука не поднимается врезать в такое красивое лицо. Был бы мужик — другое дело, а такую красотку?! Даром что она выше меня и я на ее фоне кажусь Гулливером в стране великанов. Чертовка и правда хороша! Интересно, она встанет голышом на площади или же расплатится деньгами?

Бам-м!

Это сигнал к следующему поединку. Ну что же... посмотрим, что умеет их безопасник. Наверное, сейчас будет он. Однако я ошибался.

Глава 4

Когда к Зарану обратились с этой просьбой, он вначале лишь посмеялся — они что, идиоты, что ли? Он, Мастер одной из лучших, а может, и лучшей школы единоборств должен бросить свои дела и отпра-

виться в путешествие ради... ради чего? Наказать какого-то там ворка, который перебил целую Академию? Ну не смешите меня!

А когда ему назвали сумму, которую заплатят за «путешествие», смех как-то сам собой застыл на его губах. Три тысячи золотых за то, чтобы вышибить дух из семнадцатилетнего парня? Хмм... ну а что... почему бы и нет? Работа есть работа. Конечно же он не будет его убивать, хотя гонцы намекали именно на это. Он что, палач? Наемный убийца? Глупости какие! А вот поработать, проверить себя...

Кстати, кроме денег это еще один камешек, который лег на весы принятия решений. Заело: неужели этот парень на самом деле так хорош, что его не смогли победить ни курсанты, ни преподаватели Академии? В конце концов, парню семнадцать лет! Ну что можно узнать, чему можно научиться в семнадцать лет? Он, Амаст Деагор Заран, занимается боевыми искусствами всю свою жизнь, он развил свои способности так, что уступает только лишь своему Наставнику, и то... возможно, уже и превзошел его. А тут — семнадцать лет!

Амаст пришел в Школу, когда ему было всего семь лет. Ну как пришел... отец привел. Он служил вместе с Наставником и считал того лучшим на всем свете бойцом. И вот — прошло сорок с лишним лет, и теперь Амаст сам глава Школы, которую оставил ему Наставник, живший теперь отшельником. Обеспеченный, известный Мастер единоборств, который берет за обучение приличные деньги. Но никогда еще у него не было такого выгодного предложения: один поединок, в котором он должен победить. Никакой магии! Только искусство единоборств.

Кстати, с этим самым отсутствием магии была кое-какая проблема... Магия была. Но другая. Невиди-

мая магия, существующая в каждом — практически в каждом человеке. Ее можно достать из мозга (или где она еще хранится — в желудке?) и заставить работать на себя. Для этого применяются специальные снадобья, которые стоят приличных денег, но если снадобья подействуют, результат может быть феноменальным. Например, скорость и сила бойца увеличиваются как минимум в полтора раза. А еще — он начинает замедлять время, на срок, который зависит от того, какими способностями обладает боец. Мастер Заран и его Наставник с помощью изнурительных многочасовых, многолетних тренировок развили эту способность до максимума — оба они умели замедлять время практически бесконечно. До тех пор, пока не будет побежден противник, или до тех пор, пока сам боец не упадет замертво, исчерпав последнюю каплю жизненной энергии.

Ничего не дается даром. За все нужно платить. И за усиление — тоже.

Вообще-то Наставник теперь не отшельник. У него поселилась девчонка, которая некогда едва не убила ученицу Амаста, одну из лучших его учениц. И сделала это так просто, так буднично, что Амаст был откровенно потрясен — как она смогла?! Худенькая, невидная, просто-таки пигалица, а не девушка, воткнула деревянный кинжал в горло подготовленному бойцу, будущей телохранительнице, и ушла, будто ее никогда и не было в Школе. Вот теперь Наставник ее и тренирует. Скучно ему, нашел себе питомца кроме кота.

Полторы тысячи вперед за то, что Заран просто примет участие, и полторы потом — после победы. Амаст счел это справедливыми, выгодными условиями, тем более что они были зафиксированы устряпчего.